

Н. С. Смирнов
(Даурец Номохон)

Зара

Русская сентиментальная повесть.
М., Издательство Московского университета, 1979
Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.
[OCR Бычков М. Н.](#)

И у мене сердце есть, якоже и у вас.

Иова, глава 12

Кто поверит, что между агличанами, народом толико славным по своему просвещению и правоте сердца, нашелся изверг, поправший добродетели сии, доведший вероломство и злосердие до последнего степени утонченности и покрывший человечество срамом неизгладимым?

Междоусобные войны раздирали Англию в начале седьмого-на-десять столетия. Несколько граждан, утомленных борьбою с могуществом и не могших сносить более зрелища повсюду лиющейся крови, удалились на американский остров Барбадос и положили первое основание селению, в короткое время достигшему до высочайшего благоденствия. Число переселенцев умножалось со дня на день, так что чрез сорок лет на острове сем, имеющем в окружности только осьмнадцать миль, считали более ста тысяч жителей. Большую, однако ж, часть составляли несчастные невольники, или купленные на берегах африканских, или похищенные с матерой земли* Америки, куда агличане часто ездили за бесчеловечным сим промыслом.

Однажды несколько отважнейших из них зашли далее обыкновенного в лес, караибями обитаемый. Дикае напали на них с остервенением, мстя кровавые обиды, толико раз без причины им нанесенные. Большая часть европейских разбойников легла на месте, прочие разогнаны. Один молодой агличанин, будучи преследуемым дикими, успел укрыться в непроходимой чаще; но, спасаясь от стрел и дубин караибов, без сомнения рано или поздно погиб бы он с голоду, если бы счастье (часто благоприятствующее недостойным) не привело в то место чувствительную Зару, дочь и утеху старейшины близлежащего селения. Внимая одной только жалости, забыла она, что несчастный сей был заклявшийся враг ее соотечественников; умолчала о его убежище и сделала еще более: принесла ему пищи и старалась его утешить.

Сердце, имеющее вождем одну природу, не уклоняется от впечатлений ее. Зара, находя сладкое удовольствие в том, чтоб утешать и покоить Стрюмсона (так звали агличанина), посвящала ему все время свое. Скоро неизвестный сей огонь, татски закравшийся в невинную и отверстую ее душу, переменил сострадание ее в жарчайшую любовь. Стрюмсон тотчас увидел победу, им сделанную, да и мог ли он не приметить ее, когда Зара не думала скрывать от него своей страсти? Она предавалась его вожделениям и, измеряя искренность Стрюмсоновых восторгов пламенною своею к нему любовию, находила себя в объятиях его сто раз счастливейшею. Злосчастная! Не ведала она, что жертвовала собою тигру, алкавшему крови ее! Не ведала она, что расточала нежнейшие ласки ехидне, долженствовавшей скоро растерзать ее сердце! "Друг мой,-- говорила она ему однажды, прижимая его к трепещущей своей груди,-- друг мой! Я думала, что никто не будет мне милее храброго Цампо, отца моего, но ты мне стал милее его: душа моя покидает меня там, где тебя со мною нет. Воины наши враги тебе, а я... Ах! Ты не знаешь, как ты мне любезен",-- две крупные слезы выкатились из глаз ее.

Между тем проходят многие месяцы, и Зара носит уже под сердцем залог несчастнейшей любви. В один день прибегает она в восторге к Стрюмсону: "Я принесла тебе радостную весть, храбрые наши усмотрели на взморье судно и хотят наутро, предупреди первые лучи великого светила, напасть на соотечественников твоих и истребить их; ускорим, ежели можно, ступай за мною! Я выведу тебя на берег и последую всюду за тобою, которого отныне называю и отцом моим и вечным моим другом..." Они идут поспешно и прежде вечера еще приходят на взморье. Корабль тотчас отваливает и в короткое время достигает Барбадоса. Едва Стрюмсон сошел на землю... я дрожу от ужаса и злобы, пишучи сие...